

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Сперовский

Старинные русские иконостасы

Опубликовано:

Христианское чтение. 1891. № 11-12. С. 337-353.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Старинныя русскіе иконостасы.

[Происхожденіе ихъ и разборъ иконографическаго содержанія].

ВВЕДЕНІЕ.

Одну изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ принадлежностей каждаго современнаго православнаго русскаго храма составляетъ иконостасъ, который въ настоящее время представляетъ изъ себя высокую стѣну, отдѣляющую алтарь отъ средней части храма и уставленную иконами въ нѣсколько ярусовъ. Въ нынѣшнее время мы не можемъ представить себѣ ни одного православнаго храма, который бы обошелся безъ этой высокой стѣны. Между тѣмъ, наука церковной археологіи утверждаетъ, что первоначальная христіанская древность не знала иконостаса въ современномъ смыслѣ этого слова, что нынѣшній иконостасъ у древнихъ христіанъ заимѣвался простою рѣшеткою, которая отдѣляла алтарь отъ средней части храма. Мало того, археологи доказываютъ, что и у насъ на Руси храмы долгое время не имѣли высокихъ иконостасовъ и довольствовались одною только предъалтарною рѣшеткою. Естественно послѣ этого возникаютъ вопросы: когда появились на свѣтъ современные высокіе иконостасы? Когда они сдѣлались необходимою принадлежностію православныхъ храмовъ? Какъ они постепенно развивались и увеличивались въ своемъ объемѣ и иконографическомъ содержаніи? На всѣ эти вопросы должна дать отвѣтъ церковная археологія, такъ какъ она ставитъ своею задачею изученіе старинныхъ памятниковъ церковнаго искусства, къ числу которыхъ относятся и иконостасы.

Съ какихъ же сторонъ можетъ археологъ изучать иконостасы и какими данными онъ долженъ для сего пользоваться? Отвѣтъ на первую половину поставленнаго вопроса заключается въ самомъ понятіи объ иконостасѣ, который, съ одной стороны, составляетъ архитектурную принадлежность православнаго храма и заключается въ себѣ тѣ или другія художественныя особенности, а съ другой стороны—имѣть извѣстное иконографическое содержаніе, стоящее въ тѣсной связи съ исторіею и ученіемъ церкви. Поэтому иконостасъ можно изучать съ двухъ сторонъ: художественной и богословской.

Матеріалы, которыми археологъ пользуется для изслѣдованія старинныхъ иконостасовъ, раздѣляются на двѣ группы: 1) вещественные памятники старины и 2) письменныя свидѣтельства объ иконостасахъ и ихъ устройствѣ. Какъ вещественные памятники, такъ и письменныя свидѣтельства пока еще не всѣ собраны и сдѣланы достояніемъ науки. Весьма многое въ этой области еще не открыто, не изслѣдовано и не приведено въ извѣстность. Поэтому мы, приступая къ изслѣдованію вопроса о старинныхъ иконостасахъ въ русскихъ церквахъ, должны были сами собирать какъ вещественные, такъ и письменные матеріалы. Къ сожалѣнію, наше собраніе матеріаловъ, нужныхъ для разработки вопроса объ иконостасахъ, далеко не отличается желательною полнотою и разнообразіемъ. Особенно скудны наши личныя наблюденія надъ вещественными памятниками церковной старины. Эти наблюденія ограничались только Новгородомъ съ его окрестностями, нѣкоторыми церквами въ новгородской губерніи и нѣсколькими музеями христіанскихъ древностей въ С.-Петербургѣ. Зато подъ руками у насъ было довольно много письменныхъ матеріаловъ, къ которымъ относятся русскія лѣтописи, писцовыя книги, многочисленныя описанія древнихъ церквей и монастырей, разсыянныхъ по различнымъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, и др.

Сравнивая свои личныя наблюденія надъ новгородскими старинными иконостасами съ описаніями иконостасовъ въ другихъ древнихъ русскихъ храмахъ, мы пришли къ мысли о тождествѣ ихъ иконографическаго содержанія, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ и

существенныхъ чертахъ: разности можно найти только въ деталяхъ. Такое однообразіе въ устройствѣ старинныхъ русскихъ иконостасовъ объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ тою устойчивостію, которою отличалось наше древнее церковное искусство, всегда строго державшееся преданій старины и не любившее быстрыхъ и произвольныхъ измѣненій. Всѣ указанна обстоятельства даютъ намъ право въ настоящемъ изслѣдованіи дѣлать общіе выводы и заключенія, касающіяся не однихъ только новгородскихъ, но и всѣхъ вообще русскихъ старинныхъ иконостасовъ ¹⁾.

Вопросъ объ устройствѣ иконостасовъ въ древнихъ православныхъ храмахъ ставится въ русской ученой литературѣ не въ первый разъ. Раньше занимались разрѣшеніемъ упомянутого вопроса Г. Д. Филимоновъ, Е. Е. Голубинскій, протоіерей П. Г. Лебединцевъ, архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ донской и новочеркасскій), И. Д. Маясветовъ, С. А. Усовъ и др. Всѣ эти лица внесли своими трудами довольно цѣнный вкладъ въ церковную археологію, а потому скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ сочиненіяхъ.

Г. Д. Филимоновъ написалъ небольшое, но очень хорошее, изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: „Церковь св. Николая на Лицнѣ близъ Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ“. Уже самое заглавіе книги показываетъ, что авторъ ея намѣренъ заняться изслѣдованіемъ только первоначальной формы иконостасовъ въ древнихъ нашихъ храмахъ и что онъ вовсе не думаетъ писать исторію позднѣйшей формы иконостасовъ и разбирать ихъ иконографическое содержаніе. Задача изслѣдованія г. Филимонова—доказать, что и въ нашихъ русскихъ храмахъ когда-то бывали вмѣсто высокихъ иконостасовъ однѣ лишь простыя предъ-алтарныя преграды (рѣшетки), украшенныя немногочисленными изо-

¹⁾ Здѣсь мы не будемъ перечислять ни памятниковъ стариннаго церковнаго искусства, которые мы лично разсмотрѣли, ни письменныхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпали необходимыя для настоящаго изслѣдованія свѣдѣнія, такъ какъ послѣ, по мѣрѣ надобности, будемъ указывать на нихъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

браженіями. Выполнивъ эту задачу, Филимоновъ считаетъ себя вправѣ закончить свой трудъ.

Е. Е. Голубинскій писалъ объ иконостасахъ два раза. Въ первый разъ онъ помѣстилъ въ „Православномъ Обзорніи“ за 1872 г. статью: „Исторія алтарной преграды или иконостаса въ православныхъ церквахъ“. Въ другой разъ онъ трактовалъ объ иконостасахъ во второй половинѣ своей „Исторіи Русской Церкви“. Первая статья Голубинскаго представляетъ изъ себя краткій очеркъ развитія иконостаса въ православныхъ церквахъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Другой трактатъ Голубинскаго объ иконостасахъ входитъ въ составъ главы о внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ русскихъ церквей въ періодъ домонгольскій. Въ этомъ послѣднемъ трактатѣ Голубинскій доказалъ тоже самое, что и Филимоновъ, т. е., что въ домонгольскій періодъ наши храмы довольствовались вмѣсто высокихъ иконостасовъ низенькими предъалтарными рѣшетками.

Протоіерей П. Г. Лебединцевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно старинныхъ иконостасовъ въ своемъ рефератѣ „о Софіи Кіевской“, читанномъ на Третьемъ Археологическомъ съѣздѣ ¹⁾. Въ этомъ рефератѣ Лебединцевъ, прежде всего, доказываетъ, что въ древнихъ русскихъ церквахъ высокіе иконостасы замѣнялись низенькими предъалтарными рѣшетками, затѣмъ,—опредѣляетъ время появленія высокихъ иконостасовъ и, наконецъ, — сравниваетъ въ самыхъ общихъ чертахъ иконографическое содержаніе многоярусныхъ иконостасовъ со стѣнописями древнихъ православныхъ храмовъ.

Архимандритъ Макарій сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно устройства многоярусныхъ иконостасовъ въ старинныхъ новгородскихъ церквахъ. Эти замѣчанія онъ помѣстилъ во второй части своего сочиненія „Археологическое описаніе церковныхъ древностей Новгорода“. Всѣ свои соображенія касательно новгородскихъ иконостасовъ Макарій подтверждаетъ буквальными выписками изъ старинныхъ описей новгородскихъ церквей и монастырей.

¹⁾ Труды III Археол. съѣзда I, 78 и слѣд...

Наконецъ, И. Д. Мансветовъ и С. А. Усовъ изложили въ небольшихъ рефератахъ свои соображенія относительно устройства и убранства предъалтарныхъ каменныхъ стѣнокъ, которыя нѣкогда зашлѣли собою въ старинныхъ русскихъ храмахъ какъ древне-христіанскую алтарную преграду, такъ и позднѣйшій многоярусный иконостасъ. Эти рефераты въ сокращенномъ видѣ напечатаны въ девятомъ томѣ Трудовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Сдѣланный краткій обзоръ ученыхъ трудовъ вышеупомянутыхъ авторовъ приводитъ къ тому убѣжденію, что всѣ они, за исключеніемъ архим. Макарія, сосредоточивали свое вниманіе преимущественно на первоначальной исторіи иконостаса и старались опредѣлить его первоначальную форму. Все написанное ими относительно древнѣйшихъ иконостасовъ въ православныхъ церквахъ можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ.

1) Какъ древніе византійскіе храмы, такъ и русскіе, по крайней мѣрѣ до XIV вѣка, не имѣли сплошныхъ многоярусныхъ иконостасовъ, а довольствовались одними только предъалтарными преградами, которыя не скрывали алтаря отъ взора молящихся въ храмѣ. Существованіе въ древнихъ греческихъ и русскихъ церквахъ низенькой предъалтарной преграды доказываютъ слѣдующіе факты: а) многочисленныя древнія алтарныя преграды, сохранившіяся до нашего времени въ древнихъ базиликахъ Италіи, въ храмахъ Греціи и на Кавказѣ и описанныя съ достаточною подробностію Г. Д. Филимоновымъ¹⁾; б) историческія свидѣтельства Евсевія кесарійскаго, Павла Силевціарія, Анастасія бібліотекаря, русскихъ лѣтописцевъ и др., собранныя Голубинскимъ и отчасти прот. Лебединцевымъ; в) наконецъ, изображенія на такъ называемыхъ предъалтарныхъ или заиконастасныхъ столбахъ, главное мѣсто между которыми занимаетъ икона Благовѣщенія, сохранившаяся, какъ извѣстно, въ кievской Софіи (мозаика XI вѣка), въ церкви св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода (открыта Филимоновымъ) и др.

¹⁾ Церковь св. Николая на Липнѣ (Москва, 1859 г.), стр. 41—53.

2) Алтарная преграда въ древнихъ греческихъ и русскихъ церквахъ занимала мѣсто въ промежуткахъ между предъалтарными столбами и сѣвѣрною и южною стѣнами храма. Первоначально она имѣла форму невысокой рѣшетки или сплошныхъ перилъ высотой по грудь ¹⁾. Но со времени Юстиніана В. алтарную преграду стали украшать колоннами, которыя внизу покоились на сплошной полокотной стѣнкѣ, а вверху соединялись между собою карнизомъ или антаблементомъ ²⁾. Наконецъ, съ самыхъ древнихъ временъ въ алтарныхъ преградахъ устраивались створчатыя царскія двери, которыя иногда закрывались простыми завѣсами ³⁾.

3) Алтарныя преграды весьма рано ⁴⁾ начали украшаться священными изображеніями, какъ живописными, такъ и скульптурными. Эти изображенія помѣщались или вверху на антаблементѣ алтарной преграды, или внизу на полокотной стѣнкѣ, или, наконецъ, на базисахъ и капителяхъ колоннъ, украшавшихъ преграду, но, во всякомъ случаѣ, они не препятствовали взору мирянъ проникать въ алтарь и созерцать совершаемыя тамъ священнодѣйствія. Остатки священныхъ изображеній сохранились на нѣкоторыхъ алтарныхъ преградахъ, описанныхъ Филимоновымъ ⁵⁾. Кроме того, историческія свѣдѣнія о священныхъ изображеніяхъ на древнихъ алтарныхъ преградахъ можно найти у Анастасія бібліотекаря въ его біографіяхъ римскихъ первосвященниковъ ⁶⁾, у П. Силенціарія въ его описаніи юстиніановой алтарной преграды въ константинопольской Софіи ⁷⁾ и, наконецъ, у русскихъ летописцевъ, свидѣтельства которыхъ приведены у Голубинскаго и Лебедевцева. Содержаніе и порядокъ размѣщенія священныхъ изображеній на алтарной преградѣ не подчинялись никакимъ строго опредѣленнымъ правиламъ.

¹⁾ Филим. 26. Голубин. Ист. Русск. Церкви II, 169; Прав. Об. 1872 г., II, 573.

²⁾ Филимон. 41—53. Прав. Обзор. 1872 г., II, стр. 576—77.

³⁾ Филимон., стр. 30.

⁴⁾ По Голубинскому, съ V в. (Прав. Обзор. 1872 г., II, 573).

⁵⁾ Стр. 49.

⁶⁾ Прав. Обзор. 1872 г., II, 579.

⁷⁾ Филимон. 43. Прав. Обзор. 1872 г., II, 576—77...

4) Въ архитектурѣ каменныхъ церквей московскаго періода было принято отдѣлять алтарь отъ средней части храма глухою каменною стѣнкою. Когда появились эти стѣнки, сказать трудно по причинѣ недостатка историческихъ данныхъ. Русскіе лѣтописцы совершенно умалчиваютъ о законостасныхъ стѣнкахъ, но зато ясно говорятъ о нихъ вещественные памятники. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что предъалтарныя каменныя стѣнки были уже распространены у насъ на Руси въ XV вѣкѣ. Такія стѣнки сохранились до нашихъ дней въ Троицкомъ соборѣ въ Сергіевой лаврѣ, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ Саввиномъ монастырѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ храмахъ, построенныхъ въ XV столѣтіи. Сначала эти стѣнки были невысокія, но потомъ постепенно поднимались выше и выше, пока наконецъ не дошли до сводовъ храма. Такъ, въ Троицкомъ соборѣ въ Сергіевой лаврѣ каменная стѣнка достигла своей настоящей высоты не вдругъ, а постепенно, о чемъ свидѣлствуютъ слѣды разновременныхъ прикладокъ ¹⁾. Въ предъалтарныхъ стѣнкахъ устроивались три пролета для царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ дверей. Наружная сторона этихъ стѣнокъ, обращенная къ народу, украшалась живописными священными изображеніями, которыя долгое время отличались характеромъ неустойчивымъ и случайнымъ. Впослѣдствіи, когда окончательно сложился типъ многоярусныхъ иконостасовъ, на стѣнкахъ стали писать и размѣщать священныя изображенія въ строго-опредѣленномъ порядкѣ, какъ и на иконостасахъ XVII в. Напримѣръ, въ церкви Спаса на сѣняхъ въ ростовскомъ кремлѣ, построенной въ XVII вѣкѣ, священныя изображенія размѣщены на предъалтарной стѣнкѣ слѣдующимъ образомъ: метадопись надъ пролетомъ для царскихъ дверей и праздники: Крещеніе, Срѣтеніе, Рождество Богородицы, Благовѣщеніе съ веретеномъ; выше—деисусъ, затѣмъ—праздники, пророки, праотцы, а на верху—распятіе. Подобный же порядокъ соблюденъ въ размѣщеніи священ-

¹⁾ См. рефератъ И. Д. Мансветова въ протоколахъ Труд. Москов. Археол. Общ. т. IX, вып. 2—3, стр. 85—8.).

ныхъ изображеній и въ другой ростовской кремлевской церкви во имя Иоанна Богослова¹⁾, которая построена тоже въ XVII столѣтїи.

Таковы результаты изученія первоначальной формы алтарной преграды въ православныхъ храмахъ, добытые трудами вышеупомянутыхъ ученыхъ. Эти ученые, сосредоточивая свое вниманіе преимущественно на древнѣйшей формѣ иконостаса, не ставили своею задачею писать исторію позднѣйшей формы иконостаса и разбирать болѣе или менѣе подробно его иконографическое содержаніе. Филимоновъ даже прямо заявляетъ, что описаніе современныхъ деревянныхъ иконостасовъ выходитъ изъ предѣловъ его задачи и заслуживаетъ особой монографіи²⁾. Рѣшить эту задачу, т. е. написать исторію позднѣйшей формы иконостаса и разобрать его иконографическое содержаніе, имѣется въ виду въ настоящемъ изслѣдованіи, которое раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ будетъ изложена исторія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ въ старинныхъ русскихъ церквахъ, а во второмъ — будетъ сдѣланъ подробный разборъ ихъ иконографическаго содержанія въ сравненіи съ древними византійско-русскими стѣнописями. Наконецъ, въ заключеніи будутъ предложены общіе выводы изъ всего изслѣдованія съ указаніемъ на ихъ практическое значеніе въ современномъ церковномъ искусствѣ.

I.

Исторія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ на Руси.

Когда появились многоярусные иконостасы? Отвѣтить на этотъ вопросъ съ точностію и опредѣленностію довольно трудно по причинѣ слѣдующихъ обстоятельствъ. Высокіе иконостасы появились

¹⁾ Н. В. Покровскій. Стѣнные росписи, стр. 165 — 166. Болѣе подробныя свѣдѣнія о законочестасныхъ стѣнкахъ и священныхъ изображеніяхъ на нихъ см. въ сообщеніяхъ С. А. Усова и И. Д. Маясветова въ Труд. Москов. Арх. Общ. т. IX, вып. 2—3, протокол. стр. 44—46 и 85—89.

²⁾ Церковь св. Николая на Липнѣ, стр. 57.

въ полномъ своемъ составѣ во всѣхъ русскихъ церквахъ не вдругъ, а постепенно, такъ какъ относительно введенія ихъ въ употребленіе не было никакихъ строго-опредѣленныхъ распоряженій церковной власти. Многоярусные иконостасы входили въ употребленіе въ нашихъ старинныхъ церквахъ и развивались въ своемъ иконографическомъ содержаніи постепенно въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Пользуясь научными данными и открытіями, которыми обладаетъ въ настоящее время церковная археологія, можно указать только на то столѣтіе, когда впервые появились высокіе многоярусные иконостасы.

Вопросъ о времени появленія высокыхъ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ рѣшали Филимоновъ, Голубинскій и Лебединцевъ. Г. Д. Филимоновъ, основываясь на томъ, что ни въ памятникахъ, ни въ указаніяхъ письменныхъ произведеній ему не приходилось встрѣтить ни одного иконостаса, который бы, по стилю иконописи, переступилъ границы XIV вѣка, придвигаетъ начало сплошныхъ иконостасовъ къ концу XIV и къ началу XV столѣтія ¹⁾. Профессоръ Е. Е. Голубинскій утверждаетъ, что иконостасъ въ своей окончательной нынѣшней формѣ весьма не древень, а напротивъ весьма молодъ, — восходитъ не далѣе, какъ только къ XVII вѣку ²⁾. Время первоначальнаго появленія многоярусныхъ иконостасовъ г. Голубинскій съ точностію не опредѣляетъ, но говоритъ, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются извѣстія о существованіи ихъ уже въ XV столѣтіи ³⁾. Наконецъ, протоіерей П. Г. Лебединцевъ полагаетъ, что начало формальному устройству многоярусныхъ иконостасовъ положено въ XVI вѣкѣ новгородскимъ архіепископомъ (впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ) Макаріемъ, который въ 1528 году устроилъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ новый высокій иконостасъ. До XVI столѣтія, говоритъ Лебединцевъ, мы встрѣчали въ русскихъ лѣтописяхъ полное умолчаніе о предъалтарныхъ высокыхъ иконостасахъ ⁴⁾.

¹⁾ Церковь Николая на Лип., стр. 18.

²⁾ Ист. Рус. Церкви II, 174.

³⁾ Прав. Обозр. 1872 г., II, 587.

⁴⁾ Труды III Археол. съѣзда, т. I, 80—85.

Такимъ образомъ, вопросъ о времени происхожденія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ разрѣшенъ въ нашей литературѣ въ двоякомъ смыслѣ. На одной сторонѣ стоятъ Филимоновъ съ Голубинскимъ, на другой Лебединцевъ. Мы сами совершенно отвергаемъ мнѣнiе Лебединцева и соглашаемся съ Филимоновымъ и Голубинскимъ, хотя тоже не вполне.

Мнѣнiе прот. Лебединцева явно противорѣчитъ лѣтописнымъ извѣстiямъ. Лебединцевъ утверждаетъ, что первый многоярусный иконостасъ былъ устроенъ архіепископомъ Макаріемъ въ новгородской Софiи и въ доказательство сего ссылается на свидѣтельство русской лѣтописи, которое послѣ приведемъ буквально. Между тѣмъ, въ лѣтописяхъ есть извѣстiе, убѣждающее насъ, что въ томъ же новгородскомъ Софiйскомъ соборѣ былъ устроенъ многоярусный иконостасъ раньше макарьевского. Вотъ это извѣстiе: „Въ лѣто 7017 (1509). Повелѣнiемъ преосвященнаго архіепископа Серапіона дописанъ бысть Денсусъ въ святѣй Софiи да праздники; а писалъ Андрей Лаврентѣвъ сынъ да Иванъ Дермаярцевъ сынъ“ ¹⁾. Нельзя согласиться съ Лебединцевымъ и въ томъ, будто бы русскіе лѣтописцы до XVI столѣтія совершенно умалчиваютъ о высокихъ многоярусныхъ иконостасахъ. Напротивъ, мы въ настоящее время обладаемъ историческими свидѣтельствами, которыя ясно говорятъ, что многоярусные иконостасы существовали въ русскихъ церквахъ въ XV и даже въ XIV столѣтіяхъ. Приведемъ и разберемъ эти лѣтописныя свидѣтельства.

Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1337 г. говорится: „Въ лѣто 6845, мѣсяца іюля 8, явился знаменіе въ Новѣгородѣ, въ церкви святыя Троица, на Редятинѣ улицѣ: стукну въ церкви, и вниде сторожъ видѣти бывшаго и се икона святаа Богородица, дрѣжащу сына на руку, стояше надъ дверми отъ сѣврѣнна страны на другоѣ полѣ, и таже икона въ той часъ въ полднѣ сниде съ высоты и ста о себѣ ничимже подрѣжима, и быша слезы изъ очію ея“ ²⁾. Приведенный лѣтописный отрывокъ еще не вполне

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. IV, 136.

²⁾ Ibid. VII, 204.

уясняетъ вопросъ о времени происхожденія многоярусныхъ иконостасовъ. Но и въ немъ есть кое-какіе намеки. Изъ этого отрывка видимъ, что икона стояла гдѣ-то на полкѣ и что она съ одной полки перешла на другую. Намъ неизвѣстно, чтобы эти полки устраивались вдоль стѣнъ храма или у столбовъ, поддерживающихъ куполь и своды; притомъ здѣсь была не одна, а нѣсколько полокъ. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о ярусахъ или таблахъ иконостасныхъ. Чудо отъ иконы состояло въ томъ, что она сама перешла съ одного яруса на другой. — А вотъ еще любопытное для насъ извѣстіе XIV вѣка. Псковской лѣтописецъ говоритъ: „Въ лѣто 6904 (1396 г.), индикта въ 4, бысть знаменіе въ святомъ Борисѣ и Глѣбѣ; икона Св. Троица съшла изъ подъ верхняго табла на землю, и Воплощеніе св. Богородица съ своего мѣста на землю, и облегоша на востокъ образомъ“¹⁾. Это извѣстіе важно потому, что въ немъ указывается нѣсколько табловъ въ иконостасѣ, изъ которыхъ одно было верхнимъ, хотя слово табло не всегда употреблялось въ смыслѣ яруса иконостаса или полки для иконъ, а иногда и въ смыслѣ карниза или антаблемента.

Такимъ образомъ, въ опредѣленіи времени появленія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ въ старинныхъ русскихъ церквяхъ мы соглашаемся съ Филимоновымъ, но съ небольшою оговоркой. Филимоновъ относитъ появленіе высокихъ иконостасовъ къ концу XIV и началу XV вѣка, а мы отодвигаемъ этотъ срокъ немного назадъ, т. е. къ концу XIII и къ началу XIV столѣтія. Основаніемъ для такого распространенія періода времени, въ который могли впервые появиться высокіе иконостасы, служатъ слѣдующія соображенія. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, алтарныя преграды въ видѣ рѣшетокъ устраивались въ нашихъ церквяхъ даже въ XIII вѣкѣ. Такова, наприимѣръ, была преграда въ Холмской Златоустовской церкви, устроенная княземъ Даниломъ Романовичемъ въ 1259 году и описанная въ Инатѣвской лѣтописи²⁾. Послѣ этого наши лѣтописцы совсѣмъ умалчиваютъ объ алтарныхъ преградахъ. Между

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., IV. 194. См. объясненіе этого лѣтописнаго отрывка у Филимонова, на стр. 18—19.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., II, 196.

тѣмъ, въ слѣдующемъ XIV столѣтіи начинаютъ появляться первыя извѣстія о высокихъ иконостасахъ,—извѣстія, которыя мы уже разбирали и изъ которыхъ самое древнее относится къ 1337 году. Эти свидѣтельства и даютъ возможность относить появленіе высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ къ промежутку времени отъ 1259 до 1337 года, т. е. ко второй половинѣ XIII и первой половинѣ XIV столѣтія.

Итакъ, съ XIV вѣка начали въ древнихъ русскихъ храмахъ замѣнять прежнюю предъалтарную низенькую рѣшетку высокимъ многояруснымъ иконостасомъ. Эта замѣна произошла не вдругъ: довольно долгое время высокіе многоярусные иконостасы существовали на ряду и съ алтарными преградами и съ каменными стѣнками. Права гражданства, если можно такъ выразиться, высокій многоярусный иконостасъ получилъ во всѣхъ безъ исключенія русскихъ церквахъ только въ XVI столѣтіи.

Прежде чѣмъ излагать исторію постепеннаго развитія русскихъ многоярусныхъ иконостасовъ, нужно рѣшить еще одинъ вопросъ: съ какого пункта началось это развитіе? Этотъ вопросъ впервые былъ поставленъ въ нашей ученой литературѣ Филимоновымъ, Лебединцевымъ и Голубинскимъ.

Разрѣшая вопросъ объ исходномъ пунктѣ развитія высокихъ иконостасовъ, Филимоновъ предполагаетъ, по аналогіи и по степени относительной важности иконъ, составляющихъ современные иконостасы, что нижній рядъ ихъ явился первый и что въ числѣ иконъ этого ряда едва ли не—Спасителя и Богоматери были первыми, которыя заняли мѣсто въ промежуткѣ отъ столбовъ алтарныхъ до царскихъ дверей. Къ этимъ иконамъ, вѣроятно, присоединялась мѣстная или праздничная икона, при чемъ легко можетъ быть, что когда число иконъ увеличилось до четырехъ, тогда ихъ поставили въ два яруса, изъ коихъ верхній былъ деисусный. А потомъ, когда увеличившееся болѣе число стало тѣснить алтарную преграду, вѣроятно выдвинули всю преграду впередъ алтарныхъ столбовъ и стали сооружать многоярусные иконостасы, что произошло не ранѣе XIV вѣка ¹⁾).

¹⁾ Церк. Никол. на Лип. 34—35.

Протоіерей Лебединцевъ, опровергая вышеупомянутое мнѣніе Филимонова, говоритъ: „напротивъ, я думаю, что нижній рядъ иконъ, нынѣ извѣстныхъ подъ икономъ намѣстныхъ, явился въ иконостасѣ послѣ всѣхъ прочихъ рядовъ, и послѣдними иконами въ этотъ ряду были иконы Спасителя и Божіей Матери, пожѣщавшіяся прежде на столбцахъ выше царскихъ вратъ, такъ что онѣ не закрывали собою ни алтаря, ни священнодѣйствія въ алтарѣ“. Свои соображенія касательно исходнаго пункта развитія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ Лебединцевъ подтверждаетъ слѣдующими фактами:

1) На алтарныхъ преградахъ церквей на вершинѣ Казбека и въ Старой Шуамтѣ, рисунки которыхъ приложены къ изслѣдованію Филимонова, иконы Спасителя и Богоматери имѣли опредѣленные мѣста на столбахъ выше царскихъ дверей. 2) Въ описяхъ XVII в. нѣкоторыхъ большихъ и малыхъ новгородскихъ церквей значатся „на столпцахъ царскихъ дверей вверху Спасъ да Богородица“, а въ спискѣ мѣстныхъ иконъ они не повторяются. 3) Въ извѣстїи о реформѣ иконостаса въ новгородской Софіи въ 1528 г. сказано, какъ о нѣкой особенноти, о поставленїи только иконъ св. Софіи, Всемилостиваго Спаса и апостоловъ Петра и Павла въ нижнемъ ярусѣ противъ святительскаго мѣста. Слѣдовательно, эти иконы доселѣ не стояли въ нижнемъ поясѣ иконостаса. 4) Въ описяхъ XVII в. рѣдко значатся по правую и лѣвую сторону царскихъ дверей иконы Спасителя и Богоматери, а упоминаются большею частію иконы мѣстныхъ праздниковъ и чтимыхъ святыхъ. 5) Въ этихъ же описяхъ царскія двери, сѣни и столпцы описываются отдѣльною статью отъ мѣстныхъ иконъ, часто безъ упоминанія о сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ. 6) Изъ писцовыхъ книгъ 1627—29 гг. видно, что въ бѣдьяхъ ярославскихъ церквахъ не было иконостасовъ, а были только иконы на алтарной и другихъ стѣнахъ, тогда какъ въ богатыхъ церквахъ былъ деисусъ съ царскими дверями, столпцами, праздниками, пророками и протцами. Въ нѣкоторыхъ же церквахъ вдоль сѣверной и южной стѣны у концовъ алтарной преграды ставились въ кіотахъ образа чтимыхъ праздниковъ или святыхъ, но самый алтарь все еще

оставался не закрытымъ и иконы Спасителя, Богоматери и Предтечи оставались надъ царскими дверями въ видѣ триморфіа и только впоследствии перешли въ составъ мѣстнаго яруса ¹⁾).

Профессоръ Голубинскій, раздѣляя мнѣніе Лебединцева относительно исходнаго пункта развитія многоярусныхъ иконостасовъ, утверждаетъ, что „мѣстныя иконы (нижняго яруса), явившись довольно рано, весьма долгое время не были считаемы необходимой принадлежностію алтарной преграды, что если и существовали, то не болѣе какъ въ числѣ одной—двухъ, а болѣею частію вовсе не существовали, и что не ранѣе, какъ только съ XVII в. онѣ являются въ такомъ количествѣ, чтобы замѣстить и закрыть собою всю алтарную преграду“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Голубинскій ссылается на слѣдующіе факты: 1) Симеонъ солунскій въ своемъ общемъ литургическомъ сочиненіи, говоря о деисусѣ, не упоминаетъ о мѣстныхъ иконахъ. 2) Русскіе лѣтописцы XV в., сообщая о написаніи въ московскій Успенскій соборъ деисуса, ничего не говорятъ о написаніи въ него мѣстныхъ иконъ. 3) Во второй половинѣ XVI в. патріархъ Іеремія II, перестроивъ темплонъ въ своей церкви, поставилъ въ него только двѣ мѣстныя иконы. 4) Въ синайской церкви Преображенія въ XVI в. совсѣмъ не было мѣстныхъ иконъ, которыя появились только въ XVII вѣкѣ. 5) Изъ XVI вѣка мы имѣемъ свидѣтельства о русскихъ церквахъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать мѣстныхъ иконъ, если бы онѣ признавались необходимыми, и которыхъ въ нихъ однако же не находимъ ²⁾).

Такимъ образомъ, вопросъ объ исходномъ пунктѣ развитія высшихъ многоярусныхъ иконостасовъ имѣетъ въ нашей литературѣ два рѣшенія: Филимоновъ утверждаетъ, что развитіе иконостаса началось съ нижняго яруса, а Голубинскій съ Лебединцевымъ говорятъ, что оно началось съ верхнихъ рядовъ. Мы склоняемся на сторону Филимонова по слѣдующимъ соображеніямъ.

1) Если мы повнимательнѣе присмотримся къ тѣмъ фактамъ,

¹⁾ Труды III Археол. съѣзда т. I, 80 и 85.

²⁾ Ивав. Обзор. 1872 г. II, 586—87.

которыми Лебединцевъ думаетъ подтвердить свою мысль о началѣ развитія иконостаса съ верхнихъ рядовъ, то увидимъ, что они вовсе не подтверждаютъ его положенія, а доказываютъ только то, что при размѣщеніи мѣстнаго яруса въ прежнее время не соблюдалось никакого опредѣленнаго порядка и что иконы Спасителя и Богоматери заняли первыя мѣста возлѣ царскихъ вратъ весьма недавно. Особенно приложимы эти наши слова къ четвертому доказательству Лебединцева. Затѣмъ, никто, конечно, не будетъ спорить съ Лебединцевымъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ древнихъ предъалтарныхъ преградахъ иконы Спасителя и Богоматери занимали опредѣленные мѣста выше царскихъ дверей. Но у насъ идетъ рѣчь не объ алтарныхъ преградахъ, а объ иконостасахъ. Изъ того, что иконы Спасителя и Богоматери помѣщались на алтарныхъ преградахъ выше царскихъ дверей, вовсе нельзя заключать, что онѣ должны занимать тѣ-же мѣста и въ позднѣйшихъ многоярусныхъ иконостасахъ. Ссылка на столбцы, которые ставились въ многоярусныхъ иконостасахъ подлѣ царскихъ дверей, тоже не оправдываетъ Лебединцева. Мы знаемъ много такихъ иконостасовъ, гдѣ иконы Спасителя и Богоматери повторяются какъ на верхушкахъ столбцовъ, такъ и въ ряду мѣстныхъ иконъ; и наоборотъ, существуютъ и такіе иконостасы, которые вовсе не имѣютъ столбцовъ при царскихъ вратахъ и въ тоже время въ мѣстныхъ ярусахъ ихъ нѣтъ иконъ Спасителя и Богоматери. Подробный разборъ иконографическаго содержанія иконостаса вообще и мѣстнаго яруса со столбцами въ частности—разборъ, который мы предложимъ во второмъ отдѣлѣ изслѣдованія, подтвердить высказанныя нами мысли. Этотъ же разборъ покажетъ, что нельзя ставить въ связь изображенія Спасителя, Богоматери и Предтечи въ деисусномъ ярусѣ иконостаса съ таковыми же изображеніями въ мѣстномъ ярусѣ. Впослѣдствіи мы укажемъ много такихъ иконостасовъ, въ которыхъ изображенія Спасителя и Богоматери повторялись какъ въ деисусномъ, такъ и въ мѣстномъ ярусѣ. Наконецъ, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ надъ старинными иконостасами, мы отрицаемъ ту мысль Лебединцева, что будто бы икона Іоанна Предтечи, впослѣдствіи, когда окончательно сложился мѣстный ярусъ,

заняла въ немъ послѣ образовъ Спасителя и Богоматери одно изъ важныхъ мѣстъ и сдѣлалась его необходимою принадлежностію.

2) Подобно Лебединцеву, Голубинскій, по нашему мнѣнію, изъ приведенныхъ имъ фактовъ дѣлаетъ выводы большіе, чѣмъ слѣдуетъ. Изъ вышеупомянутыхъ фактовъ, которыми Голубинскій думаетъ подтвердить свои мысли объ исходномъ пунктѣ развитія иконостасовъ, выходитъ только то, что у насъ древнія алтарныя преграды существовали въ церквахъ весьма долго и что онѣ не успѣли совершенно выйти изъ употребленія даже къ XVI вѣку, а сплошныя иконостасы не сразу составили необходимую принадлежность каждаго русскаго храма. Это — вообще. Въ частности, если Симеонъ солунскій ничего не говоритъ о мѣстныхъ иконахъ, то это объясняется тѣмъ, что у него идетъ рѣчь о древней алтарной преградѣ, которая давно получила права гражданства въ православныхъ храмахъ и которой уже успѣли усвоить символическое знаменованіе. Между тѣмъ, сплошныя иконостасы и мѣстныя иконы на алтарной преградѣ ко временамъ Симеона солунскаго еще не успѣли войти во всеобщее употребленіе и усвоить себѣ символическій смыслъ, который особенно важенъ былъ въ глазахъ Симеона, такъ какъ его литургическія сочиненія объясняли богослуженіе и всѣ его принадлежности только съ символической точки зрѣнія. Далѣе, если русскіе лѣтописцы, повѣствуя о написаніи въ московскій Успенскій соборъ деисуса, ничего не говорятъ о написаніи въ него мѣстныхъ иконъ, то это еще не значитъ, что ихъ вовсе тамъ и не было. Мѣстный ярусъ могъ въ Успенскомъ соборѣ составиться изъ древнихъ досточтимыхъ иконъ, принесенныхъ въ Москву изъ другихъ русскихъ городовъ ¹⁾, что мы и видимъ въ настоящее время. Наконецъ, если патріархъ Іеремія помѣстилъ въ своемъ темплонѣ только двѣ мѣстныя иконы, то это еще не значитъ, что онѣ появились въ иконостасѣ послѣд-

¹⁾ Таковы, напримѣръ, мѣстная икона Владимірской Богоматери, перенесенная въ московскій Успенскій соборъ изъ г. Владиміра, — икона Всемилюстиваго Спаса, перенесенная изъ новгородскаго Софійскаго собора и др.

нии. Можетъ быть, патриаршая церковь была такъ мала, что въ ней и нельзя было помѣстить болѣе двухъ мѣстныхъ иконъ. Мы и теперь знаемъ такіе храмы, которые, хотя и отличаются своею обширностію, однако имѣютъ иконостасъ только съ двумя мѣстными иконами. Таковъ, напримѣръ, иконостасъ огромнаго собора Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ.

Итакъ, мы не соглашаемся съ тою мыслию, что наши иконостасы начали развиваться съ верхнихъ рядовъ, а потомъ уже появился и нижній. Послѣ этого намъ остается согласиться съ Филимоновымъ въ томъ, что нижній ярусъ въ иконостасѣ появился первыиъ. Мы не раздѣляемъ съ Филимоновымъ только того предположенія, что въ мѣстномъ ярусѣ первыми иконами были—Спасителя и Богоматери. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по нашему мнѣнію, Лебединцевъ правъ и за него стоятъ все наши наблюденія надъ мѣстными ярусами старинныхъ иконостасовъ. Мы увидимъ, что часто замѣчается отсутствіе иконъ Спасителя и Богоматери въ нижнемъ ярусѣ даже тогда, когда въ немъ наставлено довольно много другихъ иконъ. Правда, свою мысль объ исходномъ пунктѣ развитія иконостасовъ Филимоновъ не подтверждаетъ никакими положительными фактическими данными, но ихъ пока и нѣтъ еще въ русской церковной археологіи. Въ пользу Филимонова свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что мѣстные иконы упоминаются въ лѣтописяхъ весьма рано.

Николай Сперовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки